

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК / UDC 801.73

DOI: 10.22162/2500-1523-2023-2-271-286

Несколько замечаний о монгольских переводах с тибетского языка

Анна Дамдиновна Цендина^{1,2}

¹ Институт классического Востока и античности НИУ «Высшая школа экономики»
(д. 21/4, стр. 3, Старая Басманная ул., 105066 Москва, Российская Федерация)
доктор филологических наук, профессор

² Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста,
Российская Федерация)

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0003-0909-6953. E-mail: annatsendina[at]gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2023

© Цендина А. Д., 2023

Аннотация. *Введение.* В становлении монгольской литературы большую роль сыграли переводы с тибетского языка. Перевод как культурный феномен повлиял на формирование монгольского литературного языка, появление корпуса терминов в различных сферах письменной словесности: философии, медицины, астрологии и т. д. Принципы перевода, возникшие в период распространения в Монголии буддизма, частично продолжают быть продуктивными и в настоящее время в переводах с других иностранных языков. Переводы с тибетского языка сочинений исторической, агиографической, повествовательной и пр. литературы заняли в кругу чтения монголов большое место, повлияв на их собственное творчество. Таким образом, монгольская словесность вошла в литературную зону, образованную северной ветвью буддизма. *Цель* исследования: поставить вопрос о границах и особенностях национальной литературы монголов. При решении этого вопроса следует учитывать, что многие сегменты остались вне этой зоны, лишь в той или иной мере испытав ее влияние, — историческая словесность, книжный эпос, народная обрядовая литература и пр. *Результаты* исследования: совокупность различных традиций и определяет своеобразие средневековой монгольской литературы. Переводы же с тибетского языка могут быть рассмотрены как факт культуры монголов, как особая черта развития их письменной традиции, но не как часть собственно монгольской литературы.

Ключевые слова: теория о зональных литературных общностях монгольская литература, перевод, тибетский язык

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке РФ в рамках проекта «Параллельный корпус текстов на тибетском языке и ойратском „тодо бичиг“ („ясном письме“): разработка инструментария и текстологические исследования» (№ 23-18-00978).

Для цитирования: Цендина А. Д. Несколько замечаний о монгольских переводах с тибетского языка // Монголоведение. 2023. Т. 15. № 2. С. 271–286. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-2-271-286

A Few Notes on Tibetan to Mongolian Translations

Anna D. Tsendina^{1,2}

¹ National Research University Higher School of Economics (Bldg. 3, 21/4, Staraya Basmannaya St., 105066 Moscow, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor

² Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0003-0909-6953. E-mail: annatsendina[at]gmail.com

© KalmSC RAS, 2023

© Tsendina A. D., 2023

Abstract. *Introduction.* Translations from Tibetan had been of great importance for the making of Mongolian literature. Translation as cultural phenomenon influenced the shaping of standard Mongolian, gave rise to terminological clusters in different spheres of written language, such as philosophy, medicine, astrology, etc. The principles of translation that had emerged in the period of Buddhism's dissemination in Mongolia still remain instrumental enough in performing translations from other foreign languages. Translations from Tibetan of historical, hagiographical, narrative and other compositions constituted an essential part in the reading agenda of Mongols to further influence the latter's culture at large. So, Mongolian literature entered the literary zone of northern Buddhism. *Goals.* The study seeks to raise a question on delineation — with certain frames and peculiarities — of Mongolian national literature. We should also keep in mind that some parts of literature stay beyond this zone and were only partially influenced by the examined phenomenon — historical literature, recorded (and published) epic narratives, folk ritual literature, etc. *Results.* Our insight into the complex of various traditions demarcates the originality of medieval literature of Mongols. So, translations from the Tibetan language can be considered as a fact of Mongolian culture, as a special feature in the development of Mongolian written traditions — but not as part of Mongolian literature proper.

Keywords: theory of literary zones, Mongolian literature, translation, Tibetan language

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 23-18-00978 'A Parallel Corpus in Tibetan and Oirat (Clear Script): Tools Development and Textual Studies'.

For citation: Tsendina A. D. A Few Notes on Tibetan to Mongolian Translations. *Mongolian Studies (Elista)*. 2023; 15(2): 271–286. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2023-2-271-286

Введение

История современного изучения монгольской литературы насчитывает более 200 лет. В течение этого времени исследователи занимались преимущественно введением в научный оборот различных письменных памятников монголов, установлением их источников, определением авторства и времени создания, сравнением версий и вариантов, анализом содержащихся в них сведений и их лингвистических особенностей. Такая работа продолжается и в настоящее время, будучи далекой от завершения. Именно это обстоятельство не позволило в прошлом, не позволяет и сейчас написать полноценную историю монгольской литературы. Попытки рассмотреть литературный процесс монголов на всем протяжении его существования неоднократно предпринимались [Владимирцов

1920; Лауфер 1927; Тубянский 1935; Дамдинсүрэн 1957; Damdinsürüng 1959; Зохиолын тойм 1977, II; Зохиолын тойм 1968, III; Heissig 1964; Михайлов 1969; Михайлов, Яцковская 1969; Неклюдов 1980; Цэрэнсодном 1987; Герасимович 2006], но они не выходили за рамки очерков, обзоров, материалов к лекциям, антологий, популярных или энциклопедических статей.

Наряду с задачами по выявлению новых сочинений монгольских авторов перед монголистами стоят и другие проблемы, которые необходимо решить не только для написания фундаментальной истории монгольской литературы, но и просто для понимания особенностей ее развития. В первую очередь мы должны ответить на вопрос: что является предметом нашего описания и анализа? Монгольская письменная словесность вплоть до начала XX в. носила все черты литературы средневекового типа — с широкими размытыми границами между письменными произведениями и записями устных текстов, между функциональными жанрами и жанрами, имеющими целью развлекать и доставлять эстетическое наслаждение, между различными локальными и этническими традициями и, наконец, между памятниками на разных языках, бытовавшими в Монголии. Все эти проблемы с типологической точки зрения в той или иной мере актуальны для всех литератур мира на определенных стадиях их развития. Однако в монгольской словесности каждая из них имеет свою специфику. Можно ли выработать более или менее четкие критерии для выделения в совокупности письменных сочинений, имевших хождение в Монголии, то, что мы вправе назвать монгольской литературой, даже в широком смысле понятия «литература»? Одна из фундаментальных проблем в этом ряду связана с переводами.

Цель исследования — поставить вопрос о границах и особенностях национальной литературы монголов XVII – начала XX вв. При решении этого вопроса следует учитывать, что при существовании огромного количества переводов с тибетского языка многие сегменты литературы — историческая словесность, книжный эпос, народная обрядовая литература и пр. — остались вне поля их влияния.

Роль перевода в монгольской литературе и его традиции

Об истории монгольской переводческой деятельности написано очень много — от обзоров [Бүрнээ, Энхтөр 2003; Sárközi 2010; Wallace 2013] до описаний переводов отдельных памятников, деятельности тех или иных литераторов-переводчиков¹. Однако никто из авторов не пытался ответить на вопрос: что из написанного монгольским письмом относится к монгольской литературе, а что — лишь к переводам и не входит в нее. Или переводы — это часть литературы?

Значение перевода в становлении монгольской литературной традиции огромно. Монголия, граничившая с культурными мирами тюрков, арабов, Китая, Персии, Индии, Тибета, России, не могла остаться вне контактов и взаимовлияния с ними. Это касается не только периода, когда монголы создали огромную империю, но и всего времени их существования. Будучи кочевым народом, они оказались исключительно гибкими и восприимчивыми к экономическим,

¹ Ввиду многочисленности таких работ, сноски на них опускаются.

политическим, религиозным и культурным достижениям соседей, использовали их, преобразуя и приспособлявая к своей жизни. Это касалось и словесного искусства. После создания своей письменности (XIII в.) на основе вертикального уйгурского письма монголы обратились к переводу как к феномену, раздвигавшему их цивилизационные возможности.

Ранний период (XII–XIII вв.) переводческой деятельности монголов связан с уйгурским языком. Далее поистине огромный пласт переводов был создан с тибетского языка в период широкого распространения в Монголии буддизма в его северной форме (XVII–XIX вв.) и вхождения Монголии в зону индийской и тибетской литературной традиции. Нельзя считать незначительным и роль переводов с китайского и маньчжурского языков (причем многие переводы китайских произведений были сделаны с маньчжурских переложений), интенсивное создание которых относится преимущественно к XIX в. XX век принес переводы с русского, а XXI в. — с европейских (главным образом английского) языков. Такое обилие переводов было обусловлено постоянным чередованием культурных общностей, в сферу которых втягивалась Монголия на протяжении своей истории — тюрко-монгольской, буддийской, китайской, советской и, наконец, мировой. Из всего этого ряда до XX в. главное место занимали переводы с тибетского языка буддийских и «околобуддийских» (имею в виду книги индийской литературы, хлынувшие в Тибет из Индии после принятия тибетцами буддизма) сочинений.

Первое, чему переводы с тибетского языка способствовали, это — становление монгольского литературного языка (см., например, [Владимирцов 1929: 21–22]). Именно переводы буддийских сочинений Ганджура (XVII в.) и не только Ганджура, огромной религиозно-философской, религиозно-дидактической, агиографической, астрологической, медицинской и пр. литературы с тибетского языка создали базу для этого. Немалую роль здесь сыграло появление ксилографирования, т. е. «тиражирование» текстов на монгольском языке. Сфера применения монгольского письменного языка расширилась неимоверно, охватив все стороны духовной и материальной жизни монголов — от проблем познания окружающего мира до описания полезных свойств кровопускания у животных. Благодаря переводу с тибетского языка возник монгольский понятийный аппарат буддизма, технологии, медицины и пр. Упорядочению его служил терминологический словарь «Источник мудрецов», составленный в 1741–1742 гг. [Пубаев, Дандарон 1968] по типу аналогичного индо-тибетского словаря IX в. «Махавьютпатти» [Rigzin Tsepak 1986].

В данный период времени были созданы принципы перевода с тибетского языка на монгольский. Монголы во многом следовали за тибетцами, переводившими почти 10 веков тому назад сочинения с санскрита. Так, в переводах буддийской литературы с тибетского языка XVI–XVIII вв. были разработаны приемы создания терминов и устойчивых выражений на монгольском языке главным образом путем калькирования по типу: *bilig-ün činadu kürügšen* (тиб. *shes rab kyi pha rol du phyin pa* ‘достижение пределов мудрости, или праджня-парамита’); *tegünčilen iregsen* (тиб. *de bzhin gshegs pa* ‘так прошедший, будда’). Гибкие и продуктивные средства словообразования монгольского языка, связанные с использованием суффиксов, например, *binvadčhin* (‘живущий подая-

нием', где *binvad* — от санскр. *vinayata* через уйг. *binvad* 'еда, полученная как подаяние'); парных конструкций на основе заимствованного и монгольского слов: *gidi qubilγan* ('чудо, перевоплощение', где *gidi* — от санскр. *riddhi* 'чудесное перевоплощение', *qubilγan* — монг. 'превращение') и многими другими особенностями, позволили создавать все новые и новые слова. Интенсивная переводческая деятельность привела к частым нарушениям в переводных текстах синтаксических норм монгольского языка. Так появились лексемы, где порядковые числительные находились после определяемых слов: *süm-e nige*; *blam-a nige-yi* вместо *nige sum-e*; *nige blam-a-yi* ('один храм'; 'одного ламу'). Постепенно сложились шаблонные приемы, например, использование в интересах сохранения аллитерации в начальных строках переводимых стихов таких слов, которые были не обязательны для содержания. Все это породило зажатый в рамках устойчивых приемов, клишированный перевод.

То, что было заложено переводами с тибетского языка в «буддийскую» эпоху, продолжало действовать и после нее. Сохранился прием калькирования. В 1960–1980-х гг. в Академии наук Монгольской Народной Республики (АН МНР) работала терминологическая комиссия, отделения которой занимались созданием монгольской терминологии в различных областях знаний. Было выпущено несколько терминологических словарей, принципами которых стало калькирование на монгольском языке тех или иных терминов. Многие из этой продукции оказались искусственной и в дальнейшем выброшенной из научной и общественной практики, но многое, как ни странно, прижилось. Принципы калькирования в некотором виде продолжают жить и в современном языке. При массированных заимствованиях из русского (1950–1980-е гг.), а затем английского (1990–2020-е гг.) языков, кальки и сейчас остаются продуктивным методом создания терминов и выражений. Монгольский — один из немногочисленных языков современности, в которых переводят слова фейсбук (*нүүр ном*), смартфон (*ухаалаг утас*) и т. д.

Нарушения синтаксиса языка в угоду русскому и английскому не так обильны и заметны в переводах на монгольский язык, как в переводах буддийских текстов с тибетского, но имеют место и в нашей действительности. Особенно это заметно в языке СМИ. Встречаются они и в обыденной речи. Один пример: слово *магадгүй*, означающее 'возможно' и располагающееся в монгольском предложении после сказуемого: *явсан байж магадгүй* ('возможно, уехал'), в современном языке все чаще ставится в начало предложения: *магадгүй тэр явсан*, что, на наш взгляд, является результатом влияния русского и других европейских языков, где это слово в качестве вводного ставится в начале предложения.

Другая черта переводов связана с их задачами. Как известно, не все переводы прошлого несли исключительно литературные цели. Во-первых, таковые не стояли перед переводами религиозно-философских, астрологических и медицинских трактатов. Во-вторых, переводы с тибетского языка первоначально предназначались для переложения на монгольский язык буддийской литературы, соответственно передача текстов Будды и буддийских философов на другом языке требовало точного копирования оригинала — священный текст не мог быть изменен своевольно. Таким образом, сформировалась традиция дословного перевода (см., например: [Яхонтова 1986; Цендина 2001a]).

Ярким представителем этой традиции можно назвать знаменитого Зая-пандиту Намкай Джамцо (1599–1662), ойратского религиозного деятеля, который вместе с учениками перевел на монгольский язык и записал ойратским письмом почти 200 буддийских сочинений. Здесь надо заметить, что монголы в этом вопросе были хорошими учениками тибетцев, которые именно таким образом переводили священные тексты с санскрита на тибетский язык. Кроме этого, перевод сочинений буддийских учителей считался религиозной заслугой (санскр. пунья, совр. монг. буян). Это послужило причиной появления многочисленных переводов одного текста, а кроме того, множества таких переложений, которые были предназначены вовсе не для чтения. Естественно, понимание их было трудным, а зачастую невозможным даже для образованного монгола.

Традиции внелитературного предназначения перевода оказались чрезвычайно устойчивыми. Они сохранялись в Монголии и в XX в., живы и в настоящее время. Перевод в эпоху социализма стал актом политическим. Критерий для перевода произведений был идеологическим, а потому часто для него выбирались не лучшие и не самые понятные монголам тексты, а также привлекались не самые профессиональные переводчики. В результате мы имеем горы книг, которые никто никогда не читал. Например, тома сочинений В. И. Ленина были переведены с русского языка в абсолютной верности принципам переводов текстов Будды: переводчики боялись отойти от слов, терминов, структуры предложения оригинала. В результате смысл содержания сочинений В. И. Ленина, часто не вполне прозрачный и на русском языке, напрочь терялся в переводе на монгольский.

В настоящее время мотивом к переводу на монгольский язык также часто служат далеко не эстетические и не литературные цели. Переводы Борхеса, Джойса, которые появляются в последние годы на полках в книжных магазинах Монголии, ориентированы на малочисленную группу монгольских интеллектуалов, которые в большинстве своем владеют иностранными языками и могут прочитать эти книги на языке оригинала. На наш взгляд, эти переводы призваны продемонстрировать встроенность Монголии в мировой культурный мир и ее цивилизационную «взрослость», претензии на высокий интеллектуальный статус переводчика и, возможно, что-то еще, но только не литературную востребованность в монгольском обществе.

Таким образом, при изучении монгольской литературы и роли в ее развитии перевода с тибетского языка, мне кажется, следует всегда иметь в виду его двойственную функцию и разделять те переводы, что служили литературным целям, и те, что существовали за рамками таковых. Перевод для монголов больше чем перевод.

О месте переводов в монгольской литературе

Роль переводных книг в монгольской письменной традиции стало с функциональной и типологической точек зрения особой, выходящей за рамки простого переложения иноязычных сочинений и знакомства с ними другого народа. Переведенные сочинения с тибетского языка превратились, начиная с XVII в., в неотъемлемую часть монгольского литературного процесса, подлинным его субъектом. Тибетская литература по отношению к монгольской стала, по

терминологии известного востоковеда В. И. Брагинского, «зонаобразующей» (так же, как индийская по отношению к тибетской) [Рифтин 1974; Брагинский 1991; Braginsky 2004].

Условием этого является в первую очередь число переводов. Вряд ли можно найти хоть одно значимое произведение на тибетском языке — будь то буддийский канонический трактат или художественные стихи — которое не было бы переведено на монгольский язык. Сочинения буддийского канона, агиографические трактаты дореформенного буддизма в Тибете (XV в.) («Маникамбум», «Падмакатан» и т. д.), исторические сочинения («Ясное зеркало царских родословных», «Пир молодежи» Пятого далай-ламы, 1617–1682, «История буддизма в Индии» Таранатхи, 1575–1634, и т. д.), медицинские сочинения («Джудши», «Лхантаб» и т. д.), биографии (*намтары* Цзонхавы Лубсандагвы, 1357–1419; далай-лам, панчен-лам и пр.), справочники (например, *гарчаки* печатен), дидактические сочинения («Субхашита» Сакья-пандиты Гунгаджамцо, 1182–1252; «Капля, питающая людей» Нагарджуны, II в. и т. д.), комментарии к ним, произведения обрамленной прозы («Волшебный мертвец», «Сказки попугая»), и т. д. и т. п.

Некоторые сочинения переводились «многожды», например, только хорошо известных переводов «Субхашиты» Сакья-пандиты — восемь [Субашид 1958; Дэмчигмаа 2013], «Джадамбы» — восемь [Yampolskaya 2018: 25–73].

Некоторые произведения переводились с тибетского и китайского языков независимо. Так произошло, на наш взгляд, с «Нефритовой шкатулкой». Этот сборник текстов о приметах и гаданиях явно китайского происхождения был переведен на монгольский с его тибетского перевода, а затем с китайского языка, став причиной возникновения двух ее версий [Цендина 2021].

Кроме того, переводы с тибетского языка породили собственно монгольские версии этих произведений. При доминировании дословного перевода, малопривлекательного для простых читателей, выработалась традиция смыслового перевода, которая функционировала в основном в сфере неканонической литературы. Ее представители стремились отойти от тибетского оригинала и сделать текст понятным для монгола. Например, знаменитый религиозный деятель, литератор и переводчик Ширэгэту-Гуши-цорджи (конец XVI – начало XVII в.) в переводе «Маникамбума» (1608), «Жизнеописания Миларэпы» (1618) избегал нарушения синтаксиса монгольского предложения. Постепенно эта линия словесного творчества привела к созданию отличных от тибетского оригинала сочинений, использовавших новые сюжеты, мотивы, темы и т. д. Так произошло с комментариями к дидактическим трактатам. Например, «Драгоценный кувшин» Ринчина Номтоева [Rasiyan-u dusul-un tayilburi 1964: 79–139], восходящий к комментарию к «Капле нектара, питающего людей» Нагарджуны, написанному на тибетском языке неизвестным автором [Дамдинсүрэн, Цендина 1983: 5], является, по сути, монгольским сочинением. Монгольскими версиями можно считать и «Сказки Волшебного мертвеца», восходящие к индийскому сборнику «Рассказы Веталы» [Tibetan and Mongolian Tales 1962; Tibetan and Mongolian Tales 1964].

Монголы начали пользоваться в сочинительстве темами, идеями, жанрами, образами, сюжетами, мотивами, заимствованными из тибетской литературы [Хурэлбаатар 1985]. Здесь в первую очередь следует назвать дидактическую

поэзию. Несмотря на то, что монголы имели сравнительно богатые традиции в дидактической поэзии — устной и письменной, представленной такими памятниками, как «Ключ разума», «Поучения Чингис-хана», монгольская дидактика претерпела большие изменения с приходом буддизма. Изменились темы. Если раньше монголов интересовала доблесть воинов, верность хану, то теперь через всю поэзию красной нитью стала проходить идея неизбежности смерти, необходимости улучшения кармы, отказа от пороков и пр. Изменения касались не только тем и идей, но и образов и способов украшения. Поэзия наполнилась элементами стилистического канона тибетской литературы, восходящего к индийским эталонам [Цендина 1995; Цендина 1997; Цендина 20016]. На монгольском языке появляются жизнеописания религиозных деятелей: Зая-пандиты Намкай Джамцо (1599–1662), Нэйджи-тойна (1557–1653), Первого Джебдзундамба-хутухты Дзанабадзара (1635–1723), исполненные в канонах жизнеописаний тибетских учителей буддизма. Влияние тибетской литературы ощущается и в других жанрах. Эти общеизвестные факты говорят о том, что монгольская литература с приходом буддизма все больше и больше втягивалась в буддийскую литературную общность. И немалую роль в этом сыграли переводы.

Процесс расширения тибетского компонента в монгольской литературе шел дальше. В XIX в. с появлением многочисленных буддийских монастырей и, соответственно, значительной по численности монашеской общины, члены которой владели только тибетским письменным языком, тибетские сочинения и творчество на тибетском языке стали все больше и больше вытеснять монголоязычное писание. Сфера применения монгольского письменного языка сужалась, ограничиваясь историей, административными и юридическими документами, «низовой» обрядовой литературой. Например, в XIX в. практически исключалось появление на монгольском языке биографий. Это привело к зарождению такого феномена как «тибетоязычная литература монголов» [Ёндон 1981; Öljei 1996]. По данным, приведенным в знаменитом докладе Гомбожава, бывшего настоятеля монастыря Гандан, в Монголии насчитывалось более 200 лам, имевших собрания сочинения на тибетском языке [Гомбожаб 1959].

Вместо заключения. О границах монгольской литературы

Обилие переводов с тибетского языка и постепенное подключение монгольских книжников к потреблению и, в свою очередь, созданию трактатов на тибетском языке (XVIII–XIX вв.) породили проблему определения границ монгольской национальной литературы. Ею были озабочены все исследователи монгольской литературы, созданной до начала XX в. Они были единодушны с Б. Я. Владимирцовым, писавшим, что «для правильного представления о монгольской народной словесности, для правильного ее освещения, для того, чтобы можно было с полной уверенностью отделить национальные мотивы и сюжеты от заимствованных, необходимо основательное знакомство с книжной повествовательной... литературой Монголии и Тибета» [Владимирцов 1921: 40].

На пути исполнения этой задачи многие исследователи часто осознанно или неосознанно, полностью или частично рассматривали тибетскую и монгольскую письменные традиции как единый комплекс, или монгольскую — как

слепок с тибетской (см., например, [Heissig 1967]). Так появился термин «тибето-монгольская литература» (см., например, [Сазыкин 1990; Музраева 2013]). (Популярный в российском востоковедении, он практически не встречается в исследованиях западных ученых). В ряде работ дословные переводы тибетских сочинений стали рассматриваться как отдельные монгольские версии (см., например: [Орлова 1991]). Возникли обзоры и антологии, включающие переводы с тибетского языка (имеются в виду именно переводы, а не отошедшие от оригиналов монгольские версии произведений). Например, первоклассная, не утратившая до сегодняшнего дня своей ценности, антология «Сто образцов монгольской литературы» не обошлась без включения отрывков из переводов «Маникамбума» [Damdinsürüng 1959: 288–295], «Жизнеописания Миларэпы» [Damdinsürüng 1959: 279–283], гимнов Миларэпы [Damdinsürüng 1959: 283–288], «Моря притч» [Damdinsürüng 1959: 295–298]. Правда, они вошли в нее в качестве образцов перевода известных литераторов. Но вошли.

В последующие годы ученые стали стремиться выделять переводы в особые главы: «Сочинения, связанные со старой тибетской литературой» [Зохиолын тойм 1977, II: 500–579], «Переводная литературы XVII–XVIII вв.» [Цэрэнсодном 1987: 310–328].

Вопрос о характере тибето-монгольских литературных взаимосвязей, о единстве и границах этих литератур следует, вероятно, рассматривать в теоретической плоскости. Прежде всего, надо указать на то, что вхождение монгольской литературы в «зональную» буддийскую общность не было полным — она не зародилась внутри нее и не была полностью ею поглощена.

Во-первых, монголы продолжали писать на своем собственном языке своим собственным письмом — могучий фактор, сохранивший их литературу и шире — всю культуру в рамках собственного национального развития. Во-вторых, тибетская литература, переводы с тибетского языка и тибетоязычное творчество монголов не занимали всего поля письменной словесности монголов. Памятники теснимой со всех сторон историографии и агиографии продолжали создаваться на монгольском языке. Так, монгольская летопись «Хрустальное зеркало» Джамбадорджи, созданная уже в XIX в. (1825) и по своей структуре и содержанию приближающаяся к так называемым «историям религии в Монголии», или «хор-чойджунам» (тиб. *hog chos 'byung*), была написана на монгольском языке в традиции монгольских летописей. Продолжали бытовать списки жизнеописания Джебдзундамба-хутухты на монгольском языке [Bawden 1961], хотя появились таковые и на тибетском языке [Bareja-Starzynska 2015]. Был создан огромный пласт дидактических стихов. Распространялись списки книжного эпоса. Выше говорилось о монгольских версиях обрамленных повестей и комментариев к дидактическим трактатам. Огромным многообразием отличалась обрядовая литература, включающая еролы, магталы, цацал, воскурения, моления, гадания, приметы, сонники и пр. Таким образом, вовлеченность монгольской литературы в единый тибетский буддийский и «околобуддийский» круг творчества была не полной. За ее рамками оставалась большая часть словесности на монгольском языке и в традициях старого монгольского литературного творчества.

Во-вторых, монгольская письменная литература всегда находилась в тесной взаимосвязанности с устным творчеством. Процесс влияния был обоюдным.

Конечно, сюжеты и образы, пришедшие из индийской и тибетской словесности, проникали в монгольский фольклор. Такие мифологические персонажи, как *бодисад* (санскр. bodhisattva), *тийрэн* (тиб. the'u rang), мам (тиб. ma mo), *дагина* (санскр. dākini), *оролон* (тиб. ro lang) превращались в героев монгольского фольклора. Сюжеты, пришедшие с *джатаками* и *аваданами*, становились обычными легендами или переосмысливались до неузнаваемости: например, в Монголии была чрезвычайно популярна повесть об Ушандаре, восходящая к «Вишвантара-джатаке», но утерявшая все признаки жанра. Однако важно то, что и письменная литература черпала немало идей, тем, сюжетов, образов и персонажей из национального фольклора (см., например, [Неклюдов 1988]).

Кроме того, не надо забывать, что монгольская литература не только находилась в пространстве действия буддийской культуры, но на протяжении своей истории так или иначе сосуществовала с другими цивилизациями, в частности с китайской. Например, именно с китайского было переведено большое число произведений повествовательной литературы [Рифтин, Семанов 1981: 234–279], и именно в поле действия этих традиций на монгольском языке появился первый роман [Скородумова 1981: 315–326].

Немаловажным аргументом против концепции единства тибето-монгольской традиции в словесности служит то обстоятельство, что оно актуально только для монгольской литературы. Что касается тибетской — существование монгольской литературы, в той или иной степени зависимой от тибетской, не является важным фактором для функционирования, развития и особенностей последней.

Так можно ли в массе сочинений, которые бытовали в Монголии, разделить тибетский и монгольский компоненты? Нам кажется, можно. И если речь идет о феномене национальной литературы, то компоненты эти разъединить не только можно, но и нужно.

Дефиниция «монгольская литература» относится к корпусу текстов, созданных на монгольском языке. Это не исключает сочинений, испытавших влияние тибетской литературы или написанных по канонам последней, но не позволяет рассматривать литературу монголов как часть, или полную реплику, тибетской. Термин «тибето-монгольская литература» может быть применен к той области монгольской словесности, которая состоит из переложений тибетских памятников, и то — весьма ограничено: ведь мы не называем аналогичные сегменты в других литературах, входивших в большие зональные общности, «китайско-вьетнамской» или «индо-тибетской». Переводы же с тибетского языка можно рассматривать как факт культуры монголов, как особую черту развития их письменной традиции, но не как часть собственно монгольской литературы.

Литература

- Брагинский 1991 — Брагинский В. И. Проблемы типологии средневековых литератур Востока. Очерки культурологического изучения литературы. М.: Наука, ГРВЛ, 1991. 397 с.
- Бүрнээ, Энхтөр 2003 — Бүрнээ Д., Энхтөр Д. Уламжлалт монгол орчуулгын судлалд (= Об изучении традиционного монгольского перевода). Улаанбаатар: Цээл-Эрдэнэ ХХК-ийн хэвлэх үйлдвэр, 2003. 303 с.

- Владимирцов 1920 — *Владимирцов Б. Я.* Монгольская литература // Литература Востока. Сб. ст. Вып. II. Пг.: Гос. изд-во, 1920. С. 90–115.
- Владимирцов 1921 — *Владимирцов Б. Я.* Монгольский сборник рассказов из *Pañcatantra*. Пг.: Академич. 12-я гос. тип., 1921. 162 с.
- Владимирцов 1929 — *Владимирцов Б. Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л.: Ленингр. вост. ин-т им. А. С. Енукидзе, 1929. 445 с.
- Герасимович 2006 — *Герасимович Л. К.* Монгольская литература XIII – начала XX вв. (материалы к лекциям). Элиста: КИГИ РАН, 2006. 361 с.
- Дамдинсүрэн 1957 — *Дамдинсүрэн Ц.* Монголын уран зохиолын тойм. I дэвтэр. XIII–XVI зууны үе (= Обзор монгольской литературы. Т. I. XIII–XVI вв.). Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1957. 157 с.
- Дамдинсүрэн, Цендина — *Дамдинсүрэн Ц., Цендина А. Д.* Тибетский сборник рассказов из «Панчатантры». Улан-Батор: ШУАХ, 1983. 107 с.
- Дэмчигмаа 2013 — *Дэмчигмаа О.* «Субашид»-ын монгол орчуулгуудын галиг, үгсийн хэлхээ (= Транслитерация и индексы монгольских переводов «Субашиды»). Улаанбаатар: «Удам соёл» ХХК, 2013. 722 с.
- Ёндон 1981 — *Ёндон Д.* Монгольская тибетоязычная художественная литература // Литературные связи Монголии. М.: Наука, ГРВЛ, 1981. С. 208–227.
- Зохиолын тойм 1977, II — Монголын уран зохиолын тойм. II дэвтэр. XVII–XVIII зууны үе (= Обзор монгольской литературы. Т. II. XVII–XVIII вв.) / ред. Ц. Дамдинсүрэн, Д. Цэнд. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэл, 1977. 670 с.
- Зохиолын тойм 1968, III — Монголын уран зохиолын тойм. III дэвтэр. XIX зууны үе (= Обзор монгольской литературы. Т. III. XIX в.) / ред. Ц. Дамдинсүрэн. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн хэрэг эрхлэх хороо, 1968. 236 с.
- Лауфер 1927 — *Лауфер Б.* Очерк монгольской литературы / пер. с нем. В. А. Казакевича; под ред. и с предисл. Б. Я. Владимирцова. Л.: Ленингр. вост. ин-т, 1927. 95 с.
- Михайлов 1969 — *Михайлов Г. И.* Литературное наследство монголов. М.: Наука, ГРВЛ, 1969. 174 с.
- Михайлов, Яцковская 1969 — *Михайлов Г., Яцковская К.* Монгольская литература. Краткий очерк. М.: Наука, 1969. 221 с.
- Музраева 2013 — *Музраева Д. Н.* Тибето-монгольская повествовательная литература XVII–XVIII вв. (Переводные письменные памятники на монгольском и ойратском языках). Элиста: Джангар, 2013. 150 с.
- Неклюдов 1980 — *Неклюдов С. Ю.* Пути сложения сюжетного повествования в монгольской традиционной прозе // Генезис романа в литературах Азии и Африки. М.: Наука, 1980. С. 179–213.
- Неклюдов 1988 — *Неклюдов С. Ю.* Устное предание в становлении исторической литературы монгольских народов // Роль фольклора в развитии литератур Юго-Восточной и Восточной Азии. М.: Наука, ГРВЛ, 1988. С. 48–56.
- Орлова 1991 — *Орлова К. В.* Ойратская версия «Комментария к „Книге примеров, собранию драгоценностей“»: дисс. ... канд. филолог. наук. Ленинград, 1991. 159 с. (в рук.).
- Пубаев, Дандарон 1968 — Источник мудрецов. Тибетско-монгол. терминолог. словарь буддизма. В 5 вып. / АН СССР, Сиб. отд-ние, Бурят. филиал, Бурят. ин-т обществ. наук; подгот. текста, пер. и примеч. Р. Е. Пубаева и Б. Д. Дандарона. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1968. 1 т: Парамита и Мадхьямика, 166 с.
- Рифтин 1974 — *Рифтин Б. Л.* Типология и взаимосвязи средневековых литератур // Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада / отв. ред. Б. Л. Рифтин. М.: Наука, 1974. С. 9–116.
- Рифтин, Семанов 1981 — *Рифтин Б. Л., Семанов В. И.* Монгольские переводы старинных китайских романов и повестей // Литературные связи Монголии / редкол.: П. А. Гринцер, Ц. Дамдинсүрэн и др. М.: Наука, ГРВЛ, 1981. С. 234–279.

- Сазыкин 1990 — История Чойджид-дагини. Факсимиле рук., транслит. текста, пер. с монг., исслед. и коммент. А. Г. Сазыкина. М.: Наука, ГРВЛ, 1990. 253 с.
- Скородумова 1981 — *Скородумова Л. Г.* Китайские традиции в романе В. Инджина-ша «Одноэтажный павильон» // Литературные связи Монголии. М.: Наука, ГРВЛ, 1981. С. 315–326.
- Субашид 1958 — Эрдэнийн сан Субашид. Цахар гэвш Лувсанчүлтэмийн орчуулга ба тайлбар (= Драгоценная сокровищница Субашид. Перевод и комментарий Чахар-гэбши Лувсанчултима). Хэвлэлд бэлтгэсэн Ц. Дамдинсүрэн, Ж. Дүгэржав. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1958. 197 с.
- Тубянский 1935 — *Тубянский М. И.* Некоторые проблемы монгольской литературы дореволюционного периода // Современная Монголия. Улан-Батор, № 5, с. 7–30.
- Хурэлбаатар 1985 — *Хурэлбаатар Л.* Традиции индийской и тибетской дидактической поэзии в литературе монгольских народов // Специфика жанров в литературах Центральной и Восточной Азии. М.: Наука, ГРВЛ, 1985. С. 128–144.
- Цендина 1995 — *Цендина А. Д.* К вопросу о поэтико-стилистических направлениях в монгольской литературе XVII–XIX вв. // Теория стиля литератур Востока: сб. ст. М.: Вост. лит., 1995. С. 74–104.
- Цендина 1997 — *Цендина А. Д.* Монгольская новеллистика XVII–XIX вв. и индо-тибетские традиции // Монгольская литература. Очерки из истории XIII – первой половины XX в. М.: ИВ РАН, 1997. С. 177–208.
- Цендина 2001a — *Цендина А. Д.* Два монгольских перевода тибетского сочинения «Книга сына» // *Mongolica V*. Посвящается К. Ф. Голстунскому. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. С. 54–74.
- Цендина 2021 — *Цендина А. Д.* Собрание текстов даосских культов: «Нефритовая шкатулка» [электронный ресурс] // Восточные архивы и архивоведение в современном мире: проблемы и перспективы: тезисы докладов XIII Всерос. съезда востоковедов (г. Элиста, 5–8 октября 2021 г.). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=CaQaY3JlQ9A> (дата обращения: 15.09.2023).
- Цендина 2000 — *Цендина А. Д.* К вопросу о типологическом описании монгольской литературы // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Материалы межд. науч. конф. История, философия, социология, филология, искусство. Т. IV. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2000. С. 202–208.
- Цендина 2001б — *Цендина А. Д.* Монгольская поэтика // Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М.: НПК «Интелвак» 2001. С. 580–585.
- Цэрэнсодном 1987 — *Цэрэнсодном Д.* Монгол уран зохиол. XIII–XX зууны эхэн. Их дээд сургуулийн монгол хэл бичгийн ангид үзэх сурах бичиг (= Монгольская литература. XIII – нач. XX в. Учебник для курсов по монгольской филологии высших учебных заведений). Улаанбаатар: БНМАУ-ын Ардын боловсролын яамны Сурах бичиг, сэтгүүлийн нэгдсэн редакцын газар, 1987, 438 с.
- Яхонтова 1986 — *Яхонтова Н. С.* Влияние тибетского языка на синтаксис ойратских переводов // *Mongolica*. Памяти академика Бориса Яковлевича Владимирцова (1884–1931). М.: Наука, ГРВЛ, 1986. С. 113–117.
- Bareja-Starzynska 2015 — The Biography of the First Khalkha Jetsundampa Zanabazar by Zaya Pandita Luvsanprinlei: Studies, Annotated Translation, Transliteration and Facsimile by *A. Bareja-Starzynska*. Warsaw: Dom Wydawniczy, 2015. 300 p.
- Bawden 1961 — The Jebtsundamba Khutukhtus of Urga (Text, Trans. and Notes by *Ch. R. Bawden*) // *Asiatische Forschungen*. Bd. 9. Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1961. 91 p.
- Braginsky 2004 — *Braginsky V. I.* The Comparative Study of Traditional Asian Literature: from Reflective Traditionalism to Neo-Traditionalism. London; N.Y.: Routledge, 2004 (First Publication 2001). 351 p.

- Damdinsüring 1959 — *Damdinsüring Će*. Mongyol uran jökiyal-un degeji jayun bilig orosibai (= Сто образцов монгольской литературы). Ulaanbaatur: Bögüde nayiramdaqu mongyol arad ulus-un sinjilekü uqayan ba degedü bolbasural-un küriyeleng-ün keblel, 1959. 599 c.
- Heissig 1964 — *Heissig W.* Mongolischen Literatur: // Handbuch der Orientalistik. Abt. 1: Der Nahe und der Mittlere Osten. Bd. 5: Altaistik. Abschn. 2: Mongolistik. Leiden; Köln: Brill, 1964. S. 228–274.
- Heissig 1967 — *Heissig W.* Tibet und Mongolei als literarische Provinzen. Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1967. 31 S.
- Öljei 1996 — *Öljei M. S.* Mongyolčud-un töbed-iyer tuyurbiysan uran jökiyal-un sudulul (= Изучение литературы монголов, написанной на тибетском языке). (Begejing): Ündüsüten-ü keblel-ün qoriy-a, 1996. 307 c.
- Rigzin Tsepak 1986 — *Rigzin Tsepak*. Tibetan-English Dictionary of Buddhist Terminology. Introduction. Library of Tibetan Works and Archives, Dharamsala, H. P., India. 1986.
- Sárközi 2010 — *Sárközi A.* Translating the Buddhist Scriptures // *Mongolian Studies in Europe: Proceedings of the Conference held (November 24–25, 2008, Budapest)* / ed. by Birtalan Agnes. Budapest: Eötvös Loránd University, 2010. Pp. 101–109.
- Rasiyan-u dusul-un tayilburi 1964 — Rasiyan-u dusul-un mongyol töbed tayilburi. Mongolian and Tibetan stories from Panchatantra. With the introduction of and edited by Ts. Damdinsuren // *Corpus Scriptorum Mongolorum*. T. VII. Ulaanbaatur: ШИЯХ, 1964. 203 p.
- Tibetan and Mongolian Tales 1962 — Tibetan and Mongolian Tales of Vetala. Töbed mongyol siditü kegür-ün üliger // *Corpus Scriptorum Mongolorum*. T. I. Ulaanbaatur: ШИЯХ 1962. 233 p.
- Tibetan and Mongolian Tales 1964 — Tibetan and Mongolian Tales of Vetala. Töbed mongyol siditü kegür-ün üliger // *Corpus Scriptorum Mongolorum*. T. II. Ulaanbaatur: ШИЯХ, 1964. 382 p.
- Wallace 2013 — *Wallace V. A.* Rendering Buddhism into Mongolian Language // In *Vimalakīrti's House: A Festschrift in Honor of Robert A. F. Thurman on the Occasion of his 70th Birthday* / ed. by Christian K. Wedemeyer, John D. Dunne, Thomas Freeman Yarnall. New York: Amer. Inst. of Buddhist Studies, 2013. Pp. 53–73
- Yampolskaya 2018 — *Yampolskaya N.* Jadamba. Eight Mongolian Translations of the *Aṣṭasāhasrikā Prajñāpāramitā* sutra. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2018. 284 p. (Asiatische Forschungen, Bd. 158).
- Gombojab 1959 — *Gombojab*. Mongyolčud-un töbed kele-ber jökiyaγsan jökiyal-un jüil (= Сочинения монголов, писавших на тибетском языке) // *Studia Mongolica*. T. I, fasc. 28. Улаанбаатар: ШУДБХ Эрдэм шинжилгээний хэвлэлийн газар, 1959. 40 c.

References

- Braginsky V. I. Medieval Literatures of the East and Issues of Typology: Culturological Essays. Moscow: Nauka — GRVL, 1991. 397 p. (In Russ.)
- Braginsky V. I. The Comparative Study of Traditional Asian Literature: From Reflective Traditionalism to Neo-Traditionalism. London, N.Y.: Routledge, 2004. 351 p. (In Eng.)
- Bürnee D., Enkhтör D. Investigating Traditional Mongolian Translation. Ulaanbaatar: Tseel-Erdene, 2003. 303 p. (In Mong.)
- Damdinsüren Ts. (ed.) A Review of Mongolian Literature. Vol. 3: 19th Century). Ulaanbaatar: State Committee for Publishing, 1968. 236 p. (In Mong.)
- Damdinsüren Ts. A Review of Mongolian Literature. Vol. 1: 13th–16th Centuries. Ulaanbaatar: People's Publ. House, 1957. 157 p. (In Mong.)
- Damdinsüren Ts. The One Hundred Pieces of Mongolian Literature. Ulaanbaatar: Committee of Science and Higher Education, 1959. 599 p. (In Mong.)

- Damdinsüren Ts., Tsend D. (eds.) A Review of Mongolian Literature. Vol. 2: 17th–18th Centuries. Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Sciences, 1977. 670 p. (In Mong.)
- Damdinsüren Ts., Tsendina A. D. Collected Tibetan Stories from the Pañcatantra. Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Sciences, 1983. 107 p. (In Mong.)
- Demchigmaa O. Subashid: A Transliteration and Indices of Mongolian Translations. Ulaanbaatar: Udam Soyol, 2013. 722 p. (In Russ.)
- Gerasimovich L. K. Mongolian Literature of the Thirteenth to Early Twentieth Centuries: Lecture Materials. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2006. 361 p. (In Russ.)
- Gombojab. Mongols Who Wrote in Tibetan. *Studia Mongolica* I. Fasc. 28. Ulaanbaatar: Committee of Science and Higher Education, 1959. 40 p. (In Mong.)
- Heissig W. Mongolischen Literatur. In: *Handbuch der Orientalistik*. Section 1: Der Nahe und der Mittlere Osten. Vol. 5: Altaistik. Pt. 2: Mongolistik. Leiden, Köln: Brill, 1964. Pp. 228–274. (In Germ.)
- Heissig W. Tibet und Mongolei als literarische Provinzen. Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1967. 31 p. (In Germ.)
- Khurelbaatar L. Traditions of Indo-Tibetan didactic poetry in Mongolic literatures. In: *Genre Specifics in Central and East Asian Literatures*. Moscow: Nauka — GRVL, 1985. Pp. 128–144. (In Russ.)
- Laufer B. Essay on Mongolian Literature. V. Kazakevich (transl.), B. Vladimirtsov (ed., foreword). Leningrad: Yenukidze Institute of Oriental Languages, 1927. 95 p. (In Russ.)
- Mikhaylov G. I. Literary Heritage of Mongols. Moscow: Nauka — GRVL, 1969. 174 p. (In Russ.)
- Mikhaylov G., Yatskovskaya K. Mongolian Literature: A Brief Essay. Moscow: Nauka, 1969. 221 p. (In Russ.)
- Mongolian and Tibetan Stories from the Panchatantra. Ts. Damdinsüren (ed., introd.). *Corpus Scriptorum Mongolorum* VII. Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Sciences, 1964. 203 p. (In Mong. and Tib.)
- Muzraeva D. N. Tibetan and Mongolian Narrative Literatures of the Seventeenth and Eighteenth Centuries: Mongolian and Oirat Translations. Elista: Dzhangar, 2013. 150 p. (In Russ.)
- Neklyudov S. Yu. Oral tradition in the shaping of Mongolic historical literatures. In: *Folklore and Its Impact on the Development of Southeast and East Asian Literatures*. Moscow: Nauka — GRVL, 1988. Pp. 48–56. (In Russ.)
- Neklyudov S. Yu. Plot building paths in Mongolian traditional prose. In: *Novel and Its Genesis in Literatures of Asia and Africa*. Moscow: Nauka, 1980. Pp. 179–213. (In Russ.)
- Öljei M. S. Investigating Tibetan-Language Works of Mongols. (Beijing): People's Publ. House, 1996. 307 p. (In Mong.)
- Orlova K. V. Comments to the Book of Examples, Collected Jewels: [Analyzing] an Oirat-Language Version. Cand. Sc. (philology) thesis. Manuscript. Leningrad, 1991. 159 p. (In Russ.)
- Riftin B. L. Medieval literatures: A typology of interrelations. In: Riftin B. L. (ed.) *Typology and Interrelations between Literatures of the East and the West*. Moscow: Nauka, 1974. Pp. 9–116. (In Russ.)
- Riftin B. L., Semanov V. I. Mongolian translations of old Chinese novels and stories. In: Grintser P. A., Damdinsüren Ts. Et al. (eds.) *Literary Ties of Mongolia*. Moscow: Nauka — GRVL, 1981. Pp. 234–279. (In Russ.)
- Rigzin Ts. Tibetan-English Dictionary of Buddhist Terminology. Dharamsala: Library of Tibetan Works and Archives, 1986. 479 p. (In Tib. and Eng.)
- Sárközi A. Translating the Buddhist scriptures. In: Birtalan A. (ed.) *Mongolian Studies in Europe*. Conference proceedings (Budapest, 24–25 November 2008). Budapest: Eötvös Loránd University, 2010. Pp. 101–109. (In Eng.)

- Skorodumova L.G. The One-Storey Pavilion by V. Injinash: [Tracing] Chinese traditions in the novel. In: Grintser P. A., Damdinsüren Ts. Et al. (eds.) *Literary Ties of Mongolia*. Moscow: Nauka — GRVL, 1981. Pp. 315–326. (In Russ.)
- The Jebtsundamba Khutukhtus of Urga. Ch. Bawden (text prep., transl., etc.). *Asiatische Forschungen* 9. Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1961. 91 p. (In Mong. and Eng.)
- The Precious Treasury [of] Subashid. Chakhar-Gebshi Luvsanchultima (transl., comment.); Ts. Damdinsüren, J. Dүgerjav. Ulaanbaatar: People's Publ. House, 1958. 197 p. (In Mong.)
- The Source of Sages: Monumental Buddhist Terminological Lexicon (Tib. dag yig mkhas pa'i 'byun gnas). In 5 vols. R. Pubaev, B. Dandaron (text prep., transl., etc.). Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1968. Vol. 1: Pāramitā and Mādhyamaka, 166 p. (In Russ., Tib. and Mong.)
- The Story of Choyjid Dakini. A. Sazykin (translit., study, etc.). Moscow: Nauka — GRVL, 1990. 253 s.
- Tibetan and Mongolian Tales of Vetala (Töbed mongyol sidityükegür-ün üliḡer). *Corpus Scriptorum Mongolorum* I. Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Sciences, 1962. 233 p. (In Mong. and Tib.)
- Tibetan and Mongolian Tales of Vetala (Töbed mongyol sidityükegür-ün üliḡer). *Corpus Scriptorum Mongolorum* II. Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Sciences, 1964. 382 p. (In Mong. and Tib.)
- Tsendina A. D. Mongolian poetics. In: Nikolyukin A. N. (comp., ed.) *An Encyclopedia of Literary Terms and Concepts*. Moscow: Intelvak, 2001. Pp. 580–585. (In Russ.)
- Tsendina A. D. Seventeenth to nineteenth century Mongolian literature: Revisiting the issue of poetic styles and trends. In: *Theory of Style for Oriental Literatures*. Collected papers. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1995. Pp. 74–104. (In Russ.)
- Tsendina A. D. Seventeenth to nineteenth century Mongolian novelistics and Indo-Tibetan traditions. In: Yatskovskaya K. N. (comp., ed.) *Mongolian Literature: Essays on Thirteenth to Mid-Twentieth Century History*. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 1997. Pp. 177–208. (In Russ.)
- Tsendina A. D. The Book of the Son (Tib. bu chos): Two Mongolian translations of the Tibetan composition. *Mongolica*. 2001. Vol. V. Pp. 54–74. (In Russ.)
- Tsendina A. D. The Jade Box: Collected Taoist texts. In: *Oriental Archives and Archival Studies in the Contemporary World. Challenges and Prospects*. Congress report abstracts (Elista, 5–8 October 2021). Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=CaQaY-3JIQ9A> (accessed: 20 January 2023). (In Russ.)
- Tsendina A. D. Typological descriptions of Mongolian literature revisited. In: Bazarov B. V. et al. (eds.) *Nomadic Civilizations of Central Asia: Issues of History and Culture*. Conference proceedings. Vol. 4. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2000. Pp. 202–208. (In Russ.)
- Tserensodnom D. Thirteenth to Early Twentieth Century Mongolian Literature. Course book. Ulaanbaatar: Ministry of Public Education, 1987, 438 p. (In Mong.)
- Tubyansky M. I. Some issues of pre-revolutionary Mongolian literature. *Sovremennaya Mongoliya*. No. 5. Pp. 7–30. (In Russ.)
- Vladimirtsov B. Ya. A Comparative Grammar of Classical and Khalkha Mongolian: Introduction and Phonetics. Leningrad: Yenukidze Institute of Oriental Languages, 1929. 445 p. (In Russ.)
- Vladimirtsov B. Ya. Collected Mongolian Stories from the Pañcatantra. Petrograd: Twelfth Academic Printing House, 1921. 162 p. (In Russ.)
- Vladimirtsov B. Ya. Mongolian literature. In: *Literature of the East*. Collected papers. Vol. 2. Petrograd: State Publ. House, 1920. Pp. 90–115. (In Russ.)
- Wallace V. A. Rendering Buddhism into Mongolian language. In: Wedemeyer C. K., Dunne J. D., Yarnall T. F. (eds.) *Vimalakīrti's House: A Festschrift in Honor of Robert*

- A. F. Thurman on the Occasion of His 70th Birthday. New York: American Institute of Buddhist Studies, 2013. Pp. 53–73. (In Eng.)
- Yakhontova N. S. Impact of Tibetan on the syntax of Oirat translations. *Mongolica*. 1986. Vol. 1. Pp. 113–117. (In Russ.)
- Yampolskaya N. Jadamba: Eight Mongolian Translations of the Aṣṭasāhasrikā Prajñāpāramitā Sutra. Asiatische Forschungen 158. Wiesbaden: O. Harrassowitz, 2018. 284 p. (In Mong. and Eng.)
- Yondon D. Tibetan-language fiction of Mongols. In: Literary Ties of Mongolia. Moscow: Nauka — GRVL, 1981. Pp. 208–227. (In Russ.)
- Zaya Pandita Luvsanprinlei. The Biography of the First Khalkha Jetsundampa Zanabazar by Zaya Pandita Luvsanprinlei. A. Bareja-Starzyńska (studies, transl., etc.). Warsaw: Dom Wydawniczy, 2015. 300 p. (In Eng. and Mong.)